Сюй Цун знал, что в последнее время босс неважно себя чувствует, поэтому, внезапно получив от Цзи Вэйи метку с геолокацией, решил, что у того опять какой-нибудь приступ, вроде падения уровня сахара в крови. Перед тем как спуститься на подземную парковку, он специально заскочил в магазинчик у входа за энергетиком и попросил продавца разогреть его в микроволновке.

Увидев Цзи Вэйи, он понял, что дело, похоже, не только в физическом недомогании. Сюй Цун с сомнением протянул ему бутылку:

— Может… попьёте?

Он отпустил бутылку лишь тогда, когда убедился, что Цзи Вэйи крепко её держит. Но не успел Сюй Цун отвернуться, как раздался тихий звук — это Цзи Вэйи медленно осел, пытаясь поднять упавший напиток.

Атмосфера была слишком гнетущей. Сюй Цун не посмел ничего сказать и, сделав вид, что ничего не заметил, отвернулся. В зеркале заднего вида он увидел, что Цзи Вэйи уже подобрал бутылку и снова сел ровно, и молча тронулся с места.

Как только они выехали за шлагбаум парковки, Цзи Вэйи произнёс:

— Поедем, покатаемся по горам.

— Хорошо, — подумал Сюй Цун, — что же такое могло случиться?

Под горами подразумевался холм в пригороде. Место было глухое, в тридцати километрах от дома Цзи Вэйи, а отсюда ехать было почти два часа.

На той горе почти не было достопримечательностей, люди там появлялись редко. Единственным примечательным было полотно дороги — идеально ровное, с продуманным балансом между шириной, перепадами высот и крутыми поворотами. Это место облюбовали любители гонять на мотоциклах.

За последние годы из-за частых аварий дорогу пытались закрыть, но запреты не помогали. В итоге некоторые молодые люди даже начали воспринимать погони за ними полиции как часть игры в догонялки, что доставляло массу головной боли местному отделению полиции.

Сюй Цун работал у Цзи Вэйи не так уж долго и не знал, когда именно это началось, но заметил: каждый раз, когда у босса было плохое настроение, он любил приезжать сюда, чтобы проветриться.

И заодно поглазеть на гонщиков.

Занятие это было рискованным. Хотя дорога была широкой и, по логике, машины должны были

держаться внутреннего края, уступая внешнюю полосу мотоциклам, эти лихачи — от подростков до взрослых — искали острых ощущений, напрочь забывая о безопасности, а уровень мастерства у многих оставлял желать лучшего.

Независимо от того, едешь ли ты на машине следом или просто стоишь на обочине, всегда был шанс, что тебя заденут.

Цзи Вэйи был не единственным любителем такого досуга, и за все эти годы самым большим ущербом для него стала разбитая фара. Но Сюй Цун, услышав историю о том, как один владелец «Порше», наблюдая за гонками, разбил фары и был вынужден из гуманных соображений ещё и оплачивать лечение пострадавшему лихачу, испытывал невероятное давление.

Хотя, даже если машина сломается, чинить её будет не он, его надёжность в глазах босса могла рухнуть в один миг.

У Сюй Цуна в последнее время обострилось чувство опасности. После похорон, на которые ездил Цзи Вэйи, у того появился какой-то «младший помощник», и было неясно, какая дальняя родня его подослала.

Сюй Цун не понимал, что тот здесь делает, но по его виду и поведению он был до боли похож на молчаливого, сильного телохранителя из романов о богачах. Сюй Цун всерьёз опасался, что Цзи Вэйи может передать этому парню обязанности водителя.

Увидев слуховой аппарат у того на ухе, он всю ночь напролёт искал требования к слуху для получения водительских прав и наткнулся на критерий: способность различать направление источника звука с расстояния пятидесяти сантиметров от камертона — стандарт, совершенно неприменимый к обычной жизни. С тех пор он работал ещё осторожнее.

Цзи Вэйи приоткрыл окно. Апрельский воздух уже напитался теплом, и ветер, обдувавший лицо, был приятным.

В детстве в Хуачэне ветер всегда был резким, хлестал по лицу, как нож. У него была чувствительная кожа, и после возвращения в тёплый дом, если он слегка чесался, на местах касаний ногтей сразу проступали красные полосы.

Он как-то пожаловался матери, что лицо постоянно болит и зудит. Семья быстро прислала ему шарф из тонкой шерсти и баночку крема с надписями на английском.

Крем действительно помогал справиться с шелушением и краснотой, но его плотная, увлажняющая текстура оставляла на ладонях странное липкое ощущение, которое, казалось, невозможно было смыть даже водой.

Ненавидя эту липкость, он быстро перестал им пользоваться.

Фэн Фань, видя, что спустя пару дней он снова начал чесать лицо, поначалу решил, что крем просто перестал действовать. Однако, понаблюдав некоторое время, понял: Цзи Вэйи каждое утро сомневается, мазать лицо или нет, а порой вовсе пропускает процедуру.

С тех пор он начал ежедневно следить за тем, как Цзи Вэйи втирает белый крем до полного исчезновения, а потом брал его за руки и помогал смыть остатки тёплой водой.

Затем он брал тот самый шарф и тщательно, виток за витком, укутывал его от шеи до самой переносицы, оставляя на виду лишь глаза.

Шарф был тёмно-красным, широким и мягким, и на его маленьком лице казался ещё больше. Каждый выдох проходил сквозь ткань, влага оседала на лице тёплым покалыванием, будто его укутало мягкое облако.

Завязывая шарф, Фэн Фань иногда легонько касался его кожи, приговаривая, что шарф такой мягкий и тёплый, и велел получше прятать нос и рот.

Но позже тот шарф потерялся.

В ту зиму вернулся Фэн Чэнъе. Цзи Вэйи слышал, как они ссорились, но не разобрал слов. Был конец года, и семья вскоре забрала его домой встречать праздник. Уезжая, он был одет во всё новое, а шарф так и остался в Хуачэне.

Когда после Нового года он вернулся и Фэн Фань стал помогать ему одеваться, вдруг выяснилось, что шарф нигде не найти.

Вернувшись, он привез новые шарфы, да и погода начала теплеть. Цзи Вэйи был не из тех, кто привязывается к вещам, поэтому не придал этому значения.

Лишь в конце года, когда он вместе с Фэн Фанем поехал в деревню на праздники, у него поднялась температура. Он чувствовал, как мёрзнет лицо, и Фэн Фань укрыл его чем-то.

В полузабытьи Цзи Вэйи узнал тот шарф. За неполный год он сильно износился, почти потерял свой изначальный красный цвет, и от него исходил резкий, въедливый запах табака.

Фэн Фань не курил. Этот запах он чувствовал только от Фэн Чэнъе.

После того случая Фэн Фань решил, что он слишком тяжело переболел в деревне, а медицинские условия там всё же хуже, чем в Цзинчэне. К тому же семья посчитала, что он окреп и пора идти в школу, поэтому его оставили при себе.

Многие вещи он смутно осознавал ещё ребёнком, но чем старше становился, тем яснее понимал суть.

На самом деле, он не то чтобы не мог этого принять: даже родные дети редко получают поровну любви, а уж между ним и Фэн Фанем никакой кровной связи не было.

Если говорить прямо, это была всего лишь сделка, основанная на деньгах.

Именно потому, что Фэн Фань был к нему по-настоящему добр, в эту сделку вплелось так много чувств, и ему не стоило на что-то надеяться.

Он всё понимал и мог бы принять — если бы всё ограничивалось только этим, он бы смирился.

Но Фэн Фань зачем-то рассказал ему ту правду. Узнав её, он больше не мог притворяться, что между ними царят сыновья почтительность и отцовская забота.

Он думал, что именно этого и хотел Фэн Фань: как он сам позже избегал его, так и Фэн Фань решил причинить ему боль, чтобы окончательно оттолкнуть — с глаз долой, из сердца вон.

Однако Чжан Юань сказал, что Фэн Фань всё ещё хранит его фотографии в тумбочке у кровати.

Это заставляло его думать, что их отношения до боли напоминают отношения отца и сына после тяжёлого конфликта.

Он изо всех сил пытался убедить себя не фантазировать, не выдавать желаемое за действительное, но мысли не слушались.

Спустя годы после того, как связь оборвалась, Фэн Фань, уже на закате своих дней, бескорыстно приютил и заботился о ребёнке с физическим недостатком.

По чему он скучал?

Быть может, по тем временам, когда он был его отцом?

При этой мысли в нём неизбежно рождалась новая тревога.

Если его догадки верны, то что подумает Чжан Юань, который оказался зажат между их «отечественно-сыновней» игрой и о которой ничего не знает?

Его размышления внезапно прервал голос Сюй Цуна:

— Господин Цзи, посмотрите, даже в такое время здесь гонщики.

Час пик обычно наступал к вечеру, и в будний день в полдень увидеть здесь кого-то было большой редкостью.

Цзи Вэйи становилось всё тяжелее, казалось, если он будет думать дальше, у него сердце не выдержит:

— Догони их, посмотрим.

Он открыл оба задних окна. Ветер, врываясь в салон и усиливаясь от скорости, на время заглушил все мирские заботы.

Беды не исчезали, они лишь переходили в другое русло. Сюй Цун с кислым лицом отозвался: — Хорошо, — мысленно проклиная этих людей, гоняющих средь бела дня.

Кто вообще эти люди, у которых столько денег и свободного времени? Пока он прилежно работал, эти бездельники играли со смертью ради развлечения.

Не боятся ведь, что однажды по-настоящему расстанутся с жизнью… Эта мысль едва успела мелькнуть в голове Сюй Цуна, как он выругался:

— Твою мать!

Группа гонщиков состояла человек из десяти. Пятеро, что шли впереди, оторвались от остальных.

Когда они следили за передовым отрядом на повороте, колесо последнего мотоцикла зацепилось за что-то, тот потерял равновесие и вылетел за защитное ограждение.

— Остановись, — Цзи Вэйи похлопал его по спинке кресла. — Вызывай полицию, звони в скорую.

Сказав это, он уже распахнул дверь и выскочил наружу. Рёв моторов был слишком громким, и те, кто был впереди, даже не заметили, что с их товарищем что-то случилось.

Сюй Цун послушно припарковал машину у обочины, включил аварийку и набрал номер. Как только в трубке раздались гудки службы спасения, он вдруг понял, что Цзи Вэйи, так опрометчиво выскочив на дорогу, мог попасть под колёса остальных мотоциклистов.

Цзи Вэйи трижды посмотрел по сторонам, прежде чем решиться идти дальше, но, едва ступив на середину дороги, почувствовал, как мимо него с рёвом пронеслось что-то большое.

На самом деле мотоцикл проехал на изрядном расстоянии, но захваченный им вихрь вместе с невыносимым грохотом ударил по барабанным перепонкам, и сердце Цзи Вэйи забилось в бешеном ритме.

Конечно, возможно, дело было в страхе, что упавший парень погиб… Цзи Вэйи с силой наклонился над ограждением. Снаружи был крутой склон, к счастью, густо поросший деревьями. При падении человека выбросило из седла, и он застрял между двумя деревьями; было видно, что он шевелится.

Цзи Вэйи окликнул его пару раз и услышал очень слабый ответ. Появилась слабая надежда. Он продолжал разговаривать с пострадавшим, дожидаясь полицию и скорую.

Группа гонщиков, судя по всему, даже не заметила пропажи, никто так и не вернулся. Полицейские помогли медикам поднять парня. Тот был весь в крови, но, на удивление, оставался в сознании и что-то невнятно отвечал на вопросы.

http://bllate.org/book/37726/4716304